

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А.К. Соболева*

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В КОНТЕКСТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЗА КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ

Аннотация. 14 марта 2013 г. Конституционный Суд РФ рассмотрел дело о проверке конституционности отдельных положений Гражданского процессуального кодекса РФ, Федеральных законов «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Заявители, среди которых были Уполномоченный по правам человека, региональное отделение партии «Справедливая Россия», член участковой избирательной комиссии, наблюдатель и рядовой избиратель, обжаловали официальные результаты голосования в судебном порядке, однако их заявления не были приняты к рассмотрению. Гражданин Белов О.Б. обратился с жалобой на нарушение его конституционных прав применением в его деле п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ в ее взаимосвязи со ст. 220 ГПК РФ и ч. 1 ст. 259 ГПК РФ. Заявитель просил Конституционный Суд признать неконституционной сложившуюся правоприменительную практику толкования п. 1 ч. 1 ст. 134, ст. 220, ч. 1 ст. 259 ГПК РФ, а также п. 10 ст. 75 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в той части, в какой применение данных норм судами общей юрисдикции препятствует индивидуальным избирателям обжаловать в суды процессуальные нарушения, допущенные участковыми избирательными комиссиями и территориальными избирательными комиссиями при оформлении протоколов и подсчете голосов, поскольку подобная практика противоречит ч. 3 ст. 3, ч. 2 ст. 32, ч. 1 ст. 46 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Представленный ниже материал подготовлен на основе выступления автора в Конституционном Суде РФ в качестве представителя стороны по данному делу.

Ключевые слова: юриспруденция, избирательное право РФ, подсчет голосов, Конституционный Суд, избирательная комиссия, Венецианская комиссия, гражданский процесс, судебная защита, конституционное право, толкование.

© Соболева Анита Карловна

* Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»
[asoboleva@jurix.ru]

119017, г. Москва, Малая Ордынка, д. 17.

Заявитель Белов Олег Булатович обратился с жалобой в Конституционный Суд РФ на нарушение его конституционных прав применением в его деле п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ в ее взаимосвязи со ст. 220 ГПК РФ и ч. 1 ст. 259 ГПК РФ.

Представленный ниже материал подготовлен на основе выступления автора в Конституционном Суде РФ в качестве представителя стороны по данному делу 14 марта 2013 г.¹

4 декабря 2011 г. Белов Олег Булатович реализовал свое активное избирательное право, проголосовав на избирательном участке № 16/01. Впоследствии он получил от наблюдателей копию протокола участковой избирательной комиссии (УИК) об итогах голосования по тому участку, где являлся избирателем, и сравнил ее с копией сводной таблицы и протоколом Территориальной избирательной комиссии (ТИК). Обнаружив значительные расхождения в цифрах протоколов УИК и ТИК, он решил, что его волеизъявление могло быть искажено в результате фальсификации или ошибки в подсчете голосов, что его голос мог быть перераспределен, а результаты выборов по его участку, соответственно, не могут считаться справедливыми, честными и соответствующими волеизъявлению граждан (в частности, и его волеизъявлению тоже).

За защитой своих избирательных прав, гарантированных ч. 3 ст. 3 (закрепляющей свободные выборы как высшее непосредственное выражение власти народа) и ч. 2 ст. 32 Конституции РФ (право избирать и быть избранным в органы государственной власти), он обратился в Калачеевский районный суд Воронежской области с заявлением, в котором просил: признать незаконными действия Участковой избирательной комиссии № 16/01, передавшей в Калачеевскую Территориальную избирательную комиссию данные об итогах голосования по избирательному участку № 16/01, не соответствующие Протоколу УИК; признать незаконными действия Калачеевской ТИК, которая внесла в сводную таблицу и протокол об итогах голосования данные, не соответствующие исходному Протоколу УИК по участку № 16/01, заверенная копия которого была выдана на руки наблюдателям; обязать Калачеевскую ТИК внести изменения в сводную таблицу и протокол об итогах голосования в соответствии с реальными данными о волеизъявлении граждан по УИК № 16/01.

Определением Калачеевского районного суда Воронежской области от 20 января 2012 г. производство по делу было прекращено на

основании ст. 220 ГПК (суд прекращает производство по делу в случае, если дело не подлежит рассмотрению и разрешению в суде в порядке гражданского судопроизводства по основаниям, предусмотренным п. 1 части первой ст. 134 ГПК) и п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ (судья отказывает в принятии заявления, если... в заявлении... оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя). Суд указал в определении, что обжалуемым протоколом «не затрагиваются права, свободы и законные интересы заявителя», а затрагиваются лишь права политических партий при распределении между ними мандатов.

При таком подходе судов право проверить, не было ли при подсчете голосов искажено волеизъявление избирателей, отдается полностью на откуп политическим партиям, а граждане исключаются из числа субъектов целого ряда стадий избирательного процесса. Однако активное избирательное право является индивидуальным по своей природе, а значит, у индивида должна быть возможность на всех стадиях избирательного процесса следить за соблюдением процедуры и обжаловать те нарушения, о которых ему стало известно, если он считает, что данные нарушения могли повлиять на искажение его воли и привели к умалению его прав.

Конституционный Суд РФ, в соответствии со ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»² принимает решение по делу, *«оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов»* (выделено мною — А.С.).

Заявитель Белов, интересы которого я представляла, считает, что сложившаяся правоприменительная практика толкует оспариваемые нормы ГПК³ и Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — «Об основных гарантиях избирательных прав...»)⁴ без учета их места в системе правовых актов и не в их конституционно-правовом смысле, что привело к нарушению целого ряда его прав, а именно:

² Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (в ред. от 25.12.2012) «О Конституционном Суде Российской Федерации».

³ Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁴ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (в ред. от 21.07.2005) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 106.

¹ С иными материалами по данному делу можно ознакомиться на сайте // URL: <http://sutyajnik.ru/cases/520.html>

- права на судебную защиту, гарантированного ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, и права обжаловать в суд решения государственных органов и должностных лиц, гарантированного ч. 2 ст. 46;
- активного избирательного права, гарантированного ч. 2 ст. 32 Конституции РФ;
- права на участие в нефальсифицированных выборах, гарантированного ч. 3 ст. 21 Всеобщей декларации прав человека;
- права без каких-либо необоснованных ограничений голосовать на подлинных периодических выборах, обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей, гарантированных п. (b) ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах;
- права на свободные выборы, гарантированного ст. 3 протокола 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод;
- права на справедливые выборы, которые возможны только при честном подсчете голосов, гарантированное п. «г» ст. 10 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств от 7 октября 2002 г.⁵

Заявитель считает, что эти нарушения его прав стали возможны из-за того, что суды, принимая решения по его заявлению, не выявили конституционно-правовой смысл п. 1. ч. 1 ст. 134 ГПК РФ применительно к судебной защите избирательных прав граждан.

Суды общей юрисдикции посчитали, как и в делах других заявителей, что несоответствия в протоколах, даже если будет доказано, что они являются результатом фальсификации, могут нарушить лишь права политических партий при распределении мандатов, но не права избирателей.

Для рассмотрения возникшего правового спора по существу необходимо найти ответ на два вопроса:

1) может ли быть ограничено право гражданина на судебную защиту избирательных прав;

2) относится ли к активному избирательному праву гражданина право обжалования процессуальных нарушений, допущенных во время проведения выборов на том участке, где он голосовал и где, вследствие этих нарушений, его голос мог оказаться учтенным неверно, а волеизъявление — искаженным?

Право человека на судебную защиту любых нарушенных прав является фундамен-

тальным, неотъемлемым, не подлежащим ограничениям даже в условиях чрезвычайного положения. Статья 56 Конституции России включает ст. 46, гарантирующую право на судебную защиту, в список прав, не подлежащих ограничениям. Без этого уникального права все остальные права становятся иллюзорными. Неслучайно ч. 2 ст. 3 ГПК РФ закрепляет даже недействительность отказа от права на обращение в суд.

Данное право не может быть ограничено и применительно к избирательным правам. Следует обратить внимание на ст. 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...», п. 10 которой устанавливает, что «с жалобами на решения и действия (бездействие), нарушающие избирательные права граждан... могут обратиться *избиратели...*», и только потом перечисляются другие субъекты обжалования. К сожалению, судебная практика искадила конституционно-правовой смысл данной нормы, и суды стали массово отказывать гражданам-*избирателям* в судебной защите их активного избирательного права.

Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств от 7 октября 2002 г. в ч. 2 ст. 1 в качестве стандартов демократических выборов признает не только право гражданина избирать и быть избранным в органы государственной власти, но и «осуществление судебной и иной защиты избирательных прав и свобод человека и гражданина», а также «гарантии реализации избирательных прав и свобод участников избирательного процесса». Безусловно, судебная защита является самой действенной гарантией, без нее все другие гарантии могут легко потерять смысл и эффективность.

Принципы открытости и гласности выборов (в соответствии с которыми наблюдателям выдаются заверенные копии протоколов, а документы ТИКов и ЦИК публикуются для всеобщего сведения) также становятся бессмысленными, если нарушения, выявленные во время гласных и открытых выборов, не могут стать предметом обжалования со стороны избирателей. Сама процедура выдачи заверенных копий протоколов существует как раз для того, чтобы обеспечить правильность подсчета голосов, поскольку члены УИК понимают, что могут подвергнуться административным и даже уголовным санкциям, если в результате поступивших от граждан жалоб будут доказаны попытки фальсификации этих важных документов, именно в этом состоит значение института заверенной копии протокола подсчета голосов, выдаваемой наблюдателям. Он не может рассматриваться лишь как формальность.

⁵ Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств: документы и материалы / отв. ред. доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ В.И. Лысенко. М.: РЦОИТ, 2008. 528 с.

При отсутствии у граждан права обжаловать результаты выборов по своему участку в связи с фальсификациями на нем становятся бессмысленными и нормы об административном либо уголовном преследовании за фальсификации на выборах, поскольку победившая на выборах партия нигде, никогда, ни в одной стране не будет заинтересована в том, чтобы правоохранительные органы или ЦИК по своей инициативе стали бы оспаривать итоги выборов и привлекать к ответственности лиц, ответственных за их искажение. Например, существенные расхождения в протоколах УИК и ТИК во время выборов 2011 г. были обнаружены по 18-ти участкам Калачеевского района Воронежской области: в 18 протоколах из 45, полученных наблюдателями, цифры разительно отличались от официальных данных. И хотя за выдачу наблюдателям и членам избирательных комиссий с правом совещательного голоса неправильно оформленных копий протоколов об итогах голосования виновные лица, подписавшие эти протоколы, должны быть привлечены к административной ответственности по ст. 5.6. и 5.24 Кодекса РФ об административных правонарушениях, никаких административных производств по участкам в Воронежской области возбуждено не было. В частности, Территориальная избирательная комиссия Калачеевского района по 8 строкам протокола внесла в систему «ГАС-Выборы» данные голосования, существенно отличающиеся от итогов голосования, утвержденных УИК по участку 16/01 и подтвержденных копиями протокола, выданными наблюдателям. Число избирательных бюллетеней, содержащихся в стационарных ящиках для голосования, по данным, занесенным в «ГАС-Выборы», стало равняться 1755, в то время как в протоколе УИК, выданном наблюдателю, составляло 1455; число погашенных избирательных бюллетеней в данных ТИК оказалось меньше на 300 штук, чем в копии протокола наблюдателя; ЛДПР набрала по данным «ГАС-Выборы» 5 голосов, а по заверенной копии протокола УИК — 170 голосов, «Яблоко» по данным «ГАС-Выборы» — 6, а по протоколу, выданному наблюдателю, — 46; «Правое дело» — соответственно 2 и 9, а «Единая Россия», согласно системе «ГАС-Выборы», набрала 1291 голос, хотя в копии протокола, выданной наблюдателю, значилось всего 747 голосов. Именно на эти расхождения в протоколах УИК и ТИК жаловался избиратель, требуя от Калачеевского районного суда Воронежской области признать незаконными действия УИК и ТИК и обязать ТИК внести изменения в сводную таблицу об итогах голосования.

Статья 16 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и

свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств от 7 октября 2002 г. закрепила в ч. 1 ст. 16, что «в случае нарушения провозглашенных в настоящей Конвенции стандартов демократических выборов, избирательных прав и свобод граждан, а также законов о выборах *лицо или лица*, чьи права были нарушены, должны иметь право и возможность обжалования и восстановления нарушенных прав в судах...» (выделено мною — А.С.).

Часть 1 ст. 259 ГПК РФ гласит, что «избиратели... считающие что... действиями... избирательной комиссии... нарушаются избирательные права... граждан Российской Федерации, вправе обратиться с заявлением в суд». Даже буквальное толкование данной нормы говорит о том, что гражданин избиратель, который «считает, что его права нарушены», имеет право обратиться в суд. Дело суда разобраться, нарушены ли эти права. Но вместо рассмотрения споров по существу суды стали отказывать гражданам в судебной защите избирательных прав, сузив активное избирательное право и право на участие в управлении делами государства лишь до проверки правильности внесения или невнесения фамилии, имя и отчества в списки избирателей.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Правоприменительная практика, которой ограничено индивидуальное право избирателей на судебную защиту их права на участие в справедливых, нефальсифицированных, верно отражающих их волеизъявление выборах, не преследует ни одной конституционно-значимой цели: это ограничение в данном случае не призвано обеспечить ни безопасность, ни нравственность, ни здоровье, ни оборону, ни права других лиц. Представители государственных органов в своих выступлениях в Конституционном Суде посчитали, что при пересмотре результатов выборов могут оказаться нарушенными права других лиц, а именно большинства населения, которое в суды не обращалось, а следовательно, довольно итогами выборов и не желает их пересматривать, плюс права кандидатов, которые стали депутатами, и которых в случае пересчета голосов новые итоги могут не устроить. Однако эти аргументы не выдерживают критики, поскольку защите подлежат лишь законные интересы граждан: было бы странно исходить из того, что даже гипотетически подлежит защите интерес граждан (пусть даже

их большинство) в сфальсифицированных результатах или интерес депутатов, которые стали депутатами вследствие махинаций с голосами и могут потерять свой статус, если голоса будут подсчитаны в точном соответствии с волей избирателей. Подобная казуистика искажает смысл конституционно-значимых целей, которые могут оправдать допустимые ограничения прав граждан.

На самом деле право избирать, являясь основополагающим конституционным правом, предполагает не только возможность поучаствовать в голосовании, но и быть уверенным в том, что твой голос не пропал, а честно посчитан. В этом суть подлинно справедливых, свободных и демократических выборов. В противном случае гражданину нет смысла идти голосовать, так как его волю одна партия или несколько партий могут легко подменить, поделив мандаты без его участия и без какого бы то ни было контроля со стороны других избирателей.

Активное избирательное право не ограничивается лишь участием в голосовании, оно предусматривает вовлеченность избирателя во все стадии избирательного процесса. Кто обладает активным избирательным правом, тот и должен обладать правом идти в суд для его защиты. Партии активным избирательным правом не обладают. Конституция РФ не упоминает политические партии в качестве субъекта избирательного процесса, т.е. теоретически возможна ситуация, когда представительный орган формируется вообще без участия партий. Выяснение конституционно-правового смысла норм не может зависеть от законодательных актов, стоящих ниже по иерархии, чем Конституция, а может вытекать только из текста самой Конституции. Соответственно, и объем избирательных прав граждан и права на судебную защиту не может зависеть от типа избирательной системы: пропорциональной или иной, поскольку тип избирательной системы не прописан в российской Конституции.

Как справедливо заметил в своем экспертном заключении для Конституционного суда, представленном по запросу судьи-докладчика Н.С. Бондаря, эксперт В.В. Невинский, доктор юридических наук, профессор Алтайского государственного университета, «политические партии не являются государственно-властными представителями народа (граждан-избирателей). Не будучи представителями народа в государственно-правовом смысле, они одновременно выполняют две функции в отношении граждан-избирателей: содействуют формированию интегрированной политической воли граждан-избирателей и выражают эту волю в качестве опосредующего звена публичного права между гражданами-избирателями и соответ-

ствующими органами государственной власти, в т.ч. законодательными (представительными) органами», а «избирательные права граждан... выступают в качестве базового (первичного) уровня избирательных прав, посредством которых и достигается формирование (легитимация) органов государственной власти».

Приоритет в конституционном тексте, касающемся избирательных прав, таким образом, отдается именно гражданам, а не политическим партиям или избирательным комиссиям. При ином подходе получается, что граждане — не члены партий вообще лишаются права на судебную защиту целого ряда своих избирательных прав, они не могут защитить их ни самостоятельно, ни опосредованно. Вместе с тем, в соответствии с п. 28 ст. 2 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...», избирательные права граждан включают в себя: право избирать и быть избранным, право участвовать в выдвижении кандидатов, в предвыборной агитации, *наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определение результатов выборов* (выделено мною — А.С.).

Конституция РФ в ст. 3 закрепила выборы как высшее *непосредственное* выражение власти *народа*, поэтому и оспаривать результаты выборов народ, в лице граждан-избирателей, должен *непосредственно*, не впадая в зависимость от волеизъявления политических партий, которые источником представительной власти не являются.

Таким образом, не выдерживает критики аргумент о том, что оспаривание результатов выборов является составной частью лишь пассивного избирательного права.

Из сказанного следует, что нарушение, допущенное на выборах и ставшее известным избирателям соответствующего избирательного участка в результате гласного и открытого проведения выборов, безусловно, должно считаться нарушением индивидуального права каждого конкретного избирателя данного участка на участие в демократических, справедливых выборах, поскольку оно может вызвать искажение его волеизъявления или привести к потере его голоса. Произошло ли это в каждом конкретном случае и должен решать суд с учетом всех обстоятельств дела. Ссылки на тайну голосования в данном случае являются несостоятельными, поскольку важно не то, мой ли голос как избирателя был искажен либо голос моего соседа-избирателя, а то, что мы оба как граждане и как избиратели заинтересованы в том, чтобы выборы прошли честно и победил тот кандидат, который и в самом деле набрал большинство голосов.

В Постановлении Европейского Суда по правам человека от 8 апреля 2010 г. по жалобе № 18705/06 «Намат Алиев против Азербайджана»⁶ Европейский Суд ссылается на «Свод рекомендуемых норм при проведении выборов»⁷, разработанный Венецианской комиссией Совета Европы и принятый 18–19 октября 2002 г., предостерегающий против чрезмерного формализма при рассмотрении жалоб, связанных с выборами.

Данный документ в качестве руководящих принципов закрепляет в разделе 3.3. про эффективную систему обжалования, что «обжалование по всем избирательным вопросам производится либо в избирательной комиссии, либо в суде (...) В любом случае, должно допускаться окончательное обжалование в суде» (п. «а» раздела 3.3). Пункт «b» того же раздела, в свою очередь, гласит, что «процедура должна быть простой и не слишком сложной в формальном отношении, в частности в отношении приемлемости жалоб». Пункт «с» предусматривает: «процедура обжалования, особенно полномочия и обязанности различных органов, должна быть четко прописана в законе, с тем чтобы избежать коллизии прав...»; «f. Все кандидаты и избиратели, зарегистрированные по соответствующему избирательному округу, должны иметь право на обжалование. В отношении поступающих от избирателей заявлений об обжаловании результатов выборов могут устанавливаться разумные требования в отношении минимального числа избирателей».

В Пояснительном докладе к этой части Рекомендаций, в п. 26 гл. 3 раздела I, указывается, что «свободное голосование включает два различных аспекта»: свободную процедуру голосования и точную оценку результатов. В разделе II в п. 92 указывается: «Если мы не хотим, чтобы положения закона о выборах были просто словами на бумаге, следует предусмотреть возможность свободного обжалования фактов несоблюдения закона о выборах в органе по рассмотрению заявлений об обжаловании. Это относится, в частности, к результатам выборов: отдельные граждане могут оспорить их на

основании нарушения процедур голосования», а в п. 97 говорится, что «процедура обжалования должна быть простой» и что «следует бороться с формализмом и избегать решений о неприемлемости обжалования, особенно в щекотливой политической ситуации». Пункт 99 гласит: «Круг лиц, имеющих право на подачу заявления об обжаловании, должен быть максимально широким. Любой избиратель данного округа и любой участвующий в выборах кандидат должен иметь право на подачу заявления об обжаловании».

Доступность судебного обжалования со стороны избирателей процессуальных нарушений, допущенных при проведении выборов и при подсчете голосов, является гарантией того, чтобы избирательный процесс пользовался доверием. Гарантия судебной защиты нужна для того, чтобы исключить любые подозрения в манипулировании. И, наконец, судебная защита всех аспектов активного избирательного права обеспечит полную и эффективную реализацию установленных избирательным законодательством норм.

Исходя из этого, заявитель О.Б. Белов среди других заявителей по данному делу, чьи жалобы были объединены, просил Конституционный Суд признать неконституционной сложившуюся правоприменительную практику толкования п. 1 ч. 1 ст. 134, ст. 220, ч. 1 ст. 259 ГПК РФ, а также п. 10 ст. 75 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в той части, в какой применение данных норм судами общей юрисдикции препятствует индивидуальным избирателям обжаловать в суды процессуальные нарушения, допущенные Участковыми избирательными комиссиями и Территориальными избирательными комиссиями при оформлении протоколов и подсчете голосов, поскольку подобная практика противоречит ч. 3 ст. 3, ч. 2 ст. 32, ч. 1 ст. 46 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Материал получен редакцией 18 марта 2013 г.

⁶ Case of Namat Aliyev v. Azerbaijan, Application no. 18705/06, Judgment of April 8, 2010// URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-98187>

⁷ Страсбург, 30 октября 2002 г., Заключение № 190/2002, CDL-AD (2002) 23. Свод рекомендуемых норм при проведении выборов был принят Советом по демократическим выборам (16 октября 2002 г.), Европейской комиссией за демократию через право на 52-й сессии (Венеция, 18-19 октября 2002 г.), одобрен Парламентской Ассамблеей Совета Европы на первой части сессии 2003 г., одобрен Конгрессом местных и региональных властей Европы на весенней сессии 2003 г.